

УДК 930.221

ББК 63.211

Устный исторический источник в отечественном источниковедении: его место и особенности

А.С. Кузнецов

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Oral Historical Source in Russian Source Study: Its Location and Features

A.S. Kuznetsov

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

До сих пор многие исследователи не признают материалы устной истории как источник, указывая на их эмоциональную насыщенность и субъективность, следовательно, и нерепрезентативность, недооценивают их актуальность для исторической науки либо не выделяют их в отдельный вид источников. В данной статье предпринята попытка найти место устного исторического источника, созданного методом интервьюирования участников и очевидцев изучаемых событий, в системе источниковых классификаций, существующих на протяжении XX столетия; проанализировать отношение к подобному рода документам ведущих отечественных источниковедов. Особое внимание уделяется характеристике особенностей устных воспоминаний как исторических источников. Автор приходит к выводу: анализ классификаций источников в отечественном источниковедении показывает, во-первых, неоднозначное отношение к устному историческому источнику у специалистов из-за его особенностей. Во-вторых, данная ситуация в исторической науке позволяет предложить расширение существующей группы документов личного происхождения выделением в самостоятельный вид устного исторического источника.

Ключевые слова: устная история, устный исторический источник, исторический источник, источниковая классификация, источники личного происхождения.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-32

Традиция использования устных источников известна с Античности, но лишь в XX в. происходит становление устной истории как самостоятельной отрасли исторической науки и появление нового вида источников — устных исторических источников*, что вызывает ряд источниковедческих проблем.

Many researchers still do not recognize the materials of oral history as a source, because of their emotional intensity and subjectivity, and therefore, their unrepresentativeness; underestimate their relevance to historical science, or do not single out them as a separate kind of sources. In this article the author attempts to determine the position of oral historical source that was created by interviewing participants and eyewitnesses of studied events in the system of source classifications which existed throughout the 20th century and to analyze the attitudes of experts in Source study towards such documents. Particular attention is paid to the characteristic features of oral memoirs as historical sources. The author comes to the conclusions: analysis of source classifications in the domestic source study shows, firstly, the ambiguous attitude of professionals to oral historical source because of its features. Secondly, the situation in historical science allows offering an extension of the existing group of documents of personal origin by allocation into an independent kind of oral historical source.

Key words: the oral history, oral historical source, historical source, the sources classification, sources of a personal origin.

До сих пор многие исследователи не признают материалы интервью как источник, указывая на их эмоциональную насыщенность и субъективность, а, следовательно, и нерепрезентативность, недооценивают их актуальность для исторической науки либо не выделяют их в отдельный вид источников, оставляя свобод-

---

* Используются и синонимы — «словесные источники», «устная история как источник» (см.: [1; 2]). Термин «устный исторический источник» введен Т.К. Щегловой (см.: [3]).

ду мысли для историков, использующих данный вид исторических документов в своих работах, что порождает различные споры между специалистами о месте устных исторических источников в источниковой классификации.

Мы попытались найти место устного исторического источника, созданного методом интервьюирования участников и очевидцев изучаемых событий, в системе источниковых классификаций, существующих на протяжении XX столетия; проанализировать отношение к подобного рода документам у ведущих отечественных источниковедов.

Из отечественных дореволюционных историков наиболее четкую классификацию исторических источников разработал А.С. Лаппо-Данилевский. Его концепция вобрала в себя все тогдашние достижения отечественной и зарубежной исторической науки и заключалась в разделении источников на две группы — остатки культуры, обозначающие факт, и исторические предания, изображающие, излагающие этот факт. У А.С. Лаппо-Данилевского они назывались «источники, изображающие факт» и «источники, обозначающие факт». Также А.С. Лаппо-Данилевский использовал схему по содержанию источников, которые он разделил на два типа: «источники с фактическим содержанием» и «источники с нормативным содержанием» [4, с. 312].

Группу источников с фактическим содержанием Александр Сергеевич делит на источники с идейным содержанием и на источники с бытовым содержанием [4, с. 313]. В этой системе устные источники могли бы занять место в числе источников с фактическим содержанием, затем внутри источников с бытовым содержанием — в числе источников частного быта. В целом, подобное разделение источников отражает влияние философии позитивизма на отечественную историческую науку в конце XIX — начале XX в.

В советский период меняется как парадигма общественного развития, так и парадигма научных изысканий, что не могло ни сказаться на источниковедении, которое как самостоятельная дисциплина оформилось именно в это время. Здесь стоит выделить работы М.Н. Тихомирова и С.А. Никитина. В 1940-х гг. выходит первое учебное пособие по источниковедению под редакцией М.Н. Тихомирова, С.А. Никитина [5; 6]. В своей работе М.Н. Тихомиров попытался классифицировать источники с точки зрения достоверности письменных источников. «Виды письменных источников могут быть разделены на две большие группы: памятники литературного и актового характера» [5, с. 11]. По Тихомирову, к первой группе относятся летописи, хроники, хронографы, жития, мемуары, памфлеты и т.д. Ко второй группе принадлежат все грамоты или акты, законодательные памятники, официальная переписка, юридические документы и т.д. [5, с. 11]. Как мы видим, устные исторические источ-

ники в данной классификации могут быть включены в мемуары. Мемуарную литературу М.Н. Тихомиров разделяет на две части: дневники и воспоминания [5, с. 221]. Впервые в типе «устные источники» фигурирует понятие «устный рассказ», но под этим понятием автор определил фольклорные источники, а не устные исторические. По сути дела, это была несколько переработанная классификация А.С. Лаппо-Данилевского. В 1962 г. выходит дополненное издание учебника М.Н. Тихомирова, в котором авторская концепция не претерпевает изменений [7].

В том же году С.М. Каштанов и А.А. Курносов предложили свою классификацию, в основу которой положили происхождение источника, т.е. «сумму признаков, определяющих место источников в общественной жизни, их целевое назначение, авторство, обстоятельства появления» [8, с. 176]. Исходя из этого они выделили три типа источников, возникших: а) в сфере социально-экономических отношений; б) в области социально-политической борьбы, общественной мысли и культуры; в) в сфере семейно-личных отношений. В данной системе устные исторические источники могут быть отнесены ко всем трем типам, поскольку историк сам определяет при проведении интервью его направленность, а из этого вытекает его репрезентативность для изучения вышеназванных сфер жизни человеческого общества.

Ближе к признанию устного исторического источника как самостоятельного подошли Л.Н. Пушкарев и А.П. Пронштейн [9; 10]. Принцип деления источников, положенный в основу классификации Л.Н. Пушкарева, — это способ кодирования заключенной в источнике информации. В середине 1970-х гг. сначала Л.Н. Пушкарев, а затем А.П. Пронштейн предложили классификацию по способу фиксирования (кодировки) информации. Классификация А.П. Пронштейна отличается от классификации Л.Н. Пушкарева лишь тем, что Пронштейн выделяет «законодательство» в отдельный вид письменных источников. Их источниковая концепция, производящая деление источников на 7 типов, учитывает, с одной стороны, наиболее существенные черты, характерные для тех или других документов (происхождение, форма, содержание), а с другой — объекты исследования конкретных отраслей гуманитарных наук. В данной концепции устные исторические источники могут с одинаковым основанием относиться как к фонодокументам, так и к письменным источникам (мемуарам).

В 1970–1980-е гг. в русле постмодернизма активно работал авторитетный советский источниковед И.Д. Ковальченко. Иван Дмитриевич предложил классификацию с точки зрения не способов, а форм фиксации информации. При этом вся совокупность исторических источников четко делится на четыре группы (типа): вещественные, изобразительные, письменные источники, фонодокументы [11]. По его класси-

фикации устные исторические источники могут быть включены как в фонодокументы, так и в письменные источники (мемуары). Система классификации, предложенная И.Д. Ковальченко, оставляет для устной истории те же проблемы, что и классификация Л.Н. Пушкарева, единственное, с большей очевидностью, чем раньше, устные источники можно отнести к фонодокументам, но это в свою очередь дает основания для ошибочного предположения, что форма фиксации для устного источника является определяющей. «Фактически такой подход означает возвращение к несколько подзабытой, но всегда существовавшей «малой истории» с несколько пренебрежительным отношением к ней со стороны «большой истории» как к «бабушкиным сказкам» [12, с. 45], отсюда и вытекает отношение к устным источникам информации.

В поисках места документов, основанных на исторической памяти, интерес представляют наработки в области источниковедения С.О. Шмидта. В 1985 г. С.О. Шмидт предложил новую схему классификации источников — по способу передачи информации. Во-первых, она охватывает все источники исторического происхождения. Во-вторых, она очень удобна для восприятия, ибо в основе ее — внешняя, «материальная» форма источника. С.О. Шмидт также предложил классифицировать источники по типам и подтипам: вещественные источники во всем их многообразии, изобразительные источники, словесные источники, конвенционные источники во всем их многообразии, поведенческие источники, звуковые, или аудиальные источники [1, с. 21–22]. В данной классификации устные воспоминания занимают место словесного источника и относятся либо к разговорной речи, либо к письменным памятникам, что главной отличительной чертой их выделения является способ фиксации устных источников. «Письменные памятники (включая эпиграфические) во всем многообразии содержания и формы — видов и разновидностей. К этому типу относятся и все фонодокументы, в той или иной мере фиксирующие «речь» человека» [1, с. 21].

В современной научной литературе вопрос о месте устных воспоминаний в источниковых классификациях также носит неоднозначный характер. Так, в учебном пособии «Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории», вышедшем в 1998 г., авторы которого известны своими достижениями в разработке источниковедческих проблем — И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, — классификация письменных документов производится в традициях советского источниковедения, но при этом отмечается, что в конце XX в. разнообразие жанра мемуаров расширилось, впервые выделяются понятия «историческое интервью» и «устная история» [13, с. 639].

В учебнике «Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика» под ре-

дакцией А.К. Соколова, опубликованном в 2004 г., классификация письменных источников произведена по аналогичному принципу, но А.К. Соколов не выделяет такого отдельного понятия, как «устные исторические источники» или «историческое интервью». Здесь они могут быть включены как в фонодокументы, так и в документы личного происхождения (мемуары) [12]. Это по сути авторская интерпретация классификации И.Д. Ковальченко.

Один из авторов многократно переизданного учебника «Источниковедение отечественной истории» А.Г. Голиков также выводит принцип классифицирования источников из концепции И.Д. Ковальченко. «Принципиальное значение имеет предложенная Ковальченко классификация исторических источников с учетом трех аспектов информации: синтаксического, прагматического и семантического» [14, с. 4], т.е. многоуровневая классификация источников. В учебнике по источниковедению под редакцией А.Г. Голикова и Т.А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории», выпущенном в 2012 г., не выделяется отдельного вида «устные исторические источники», но данные документы могут быть включены в категорию источников личного происхождения, таких как воспоминания [14].

Мы предлагаем расширить существующую группу документов личного происхождения выделением в самостоятельный вид *устные исторические источники*. «Как правило, материалы устной истории — интервью — также включают в группу документов личного происхождения. С одной стороны, это правильно, так как любой исторический документ, созданный с помощью опросных технологий, носит субъективный характер — не в том смысле, что он априори должен рассматриваться как ангажированный, пристрастный, отражающий оценку «одного» и поэтому содержащий только субъективную информацию, что вызывает недоверие и критику со стороны ряда историков, в отличие от письменных документов, которые имеют большой «кредит доверия» в смысле объективности информации; устный исторический (материалы интервью) «субъективен» в том смысле, что он создается тремя «субъектами»: «респондентом», который предоставляет информацию; «интервьюером», формирующим комплекс вопросов, создающим фон беседы и задающим параметры мобилизации исторической памяти, и человеком, который транскрибирует аудиодокумент, — «транскрибером» [15, с. 366–367].

Под устными историческими источниками мы понимаем материалы интервьюирования участников и очевидцев изучаемых событий, содержащих массовые или индивидуальные исторические представления о недавнем прошлом. «Понятие «устный исторический источник» до сих пор не устоялось. <...> В современной практике сформировался терминологический

гический разнотой — устный источник, «историко-социологический источник», «воспоминание-интервью», «жизненная история» (life story), «биография», «ретроспективная информация» и др.» [16, с. 255].

В исторической науке к историческим источникам принято относить все свидетельства прошлого, попадающие в сферу внимания исследователя (будь то рукопись, картина, документ, обряд, предмет и т.п.), которые могут быть использованы как основание для какого-либо утверждения о прошлом [17, с. 32–3]. Как мы видим, устные исторические источники подходят под это определение. Объединяет устные воспоминания с документами личного происхождения то, что источником информации в них является память рассказчика, поэтому их иногда относят к разновидностям мемуаристики, а после переноса аудиозаписи на бумагу они фактически становятся специфическими мемуарами.

Авторитетный зарубежный специалист в области устной истории Пол Томпсон определяет и оценивает устные воспоминания так: «Устная история дает нам источники, весьма напоминающие опубликованные автобиографии, но в гораздо более широком масштабе. Подавляющее большинство опубликованных автобиографий относится к узкой группе политических, социальных и интеллектуальных лидеров, и даже если историку повезет найти автобиографию, связанную с интересующими его конкретными местом, временем и социальной группой, в ней может почти или совсем не уделяться внимания изучаемой им проблеме. И напротив, специалисты по устной истории могут точно определить, кого им интервьюировать и о чем спрашивать» [18, с. 18–19].

По мнению крупнейшего отечественного специалиста в области устной истории Т.К. Щегловой, особенность устного исторического источника состоит в том, что он содержит двойную информацию: фактологическую и оценочную [3, с. 42]. «... устный источник, «говорящий» от народа, принципиально отличается от архивных источников, говорящих языком властных структур: анонимно и унифицировано.

Он одновременно и индивидуален и объективен в силу своей субъективности, так как отражает видение прошлого конкретным человеком, излагающим свой прошлый жизненный опыт и свою правду жизни, которые можно интегрировать в «макроисторию» [19, с. 77].

В целом, если давать определение устным историческим источникам, стоит отметить, что прежде всего выделяется хронологическая ограниченность оценок и описания прошлого собственным эмпирическим опытом респондента, но нужно сказать, что данная особенность присуща и другим видам документов личного происхождения.

Также нужно помнить, что для получения более объективных результатов исследования, в котором используются устные исторические источники, стоит проверять полноту и достоверность сведений, извлеченных из них. Для этого нужно сопоставить данные из материалов интервью с другими документами официального и личного характера, в которых описываемые события перекликаются с рассказами очевидцев. Но стоит отметить, что данная методика будет работать только в том случае, если исследователь сможет найти другие источники, кроме документов, основанных на исторической памяти, по изучаемой проблеме [20, с. 78].

Таким образом, анализ классификаций в отечественном источниковедении показывает, во-первых, неоднозначное отношение к устному историческому источнику у специалистов ввиду его обозначенных выше особенностей. Во-вторых, это позволяет предложить расширение существующей группы документов личного происхождения выделением в самостоятельный вид устного исторического источника, поскольку, наряду с общими чертами документов, основанных на памяти рассказчика, устные воспоминания имеют ряд отличительных черт, не свойственных другим источникам личного происхождения.

В заключение необходимо отметить, что поднятые в статье проблемы в области источниковедения носят постановочный и дискуссионный характер и требуют коллективных усилий по их решению.

Библиографический список

1. Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. — Вып. 16. — Л., 1985.
2. Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт. — М., 1992.
3. Щеглова Т.К. Устная история. — Барнаул, 2011.
4. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. — М., 2006.
5. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII в.: курс источниковедения истории СССР. — М., 1940. — Т. 1.
6. Никитин С.А. Источниковедение истории СССР: XIX в. (до начала 90-х годов) : курс источниковедения истории СССР. — М., 1940. — Т. 2.
7. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейшего времени до конца XVIII века. — М., 1962.

8. Курносоев А.А., Каштанов С.М. Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. — 1962. — № 4.
9. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. — М., 1975.
10. Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. — Ростов-на-Дону, 1976.
11. Источниковедение истории СССР. — М., 1973.
12. Соколов А.К., Бокарев Ю.П., Борисова Л.В. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. — М., 2004.
13. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцев М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. — М., 1998.
14. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. — М., 2012.
15. Щеглова Т.К. Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941–1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты // Этнография Алтая и сопредельных территорий. — Вып. 9. — Барнаул, 2015.
16. Щеглова Т.К., Дрожецкий Д.А. Устная история (Oral history) в российской исторической практике 1920–1930-х гг.: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2014. — 4/2 (84). DOI:10.14258/izvasu(2014)4.2-37.
17. Репина Л.П., Зверева В.В., Пармонова М.Ю. История исторического знания. — М., 2006.
18. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. — М., 2003.
19. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. — Барнаул, 2008.
20. Кузнецов А.С. Историческое интервью: особенности источника и его место в источниковой классификации // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. — Барнаул, 2013.